

творца — Сергия Радонежского, способного сделать покорным даже Петра I. Рассказ не лишен известной занимательности, определенных литературных достоинств,⁴³ присущих жанру «посмертных чудес», характерных для XVII в.⁴⁴

Однако это чудо, примечательное своими реалиями и имеющее бесспорную историко-культурную ценность (только благодаря ему удастся собрать воедино и сопоставить известия единичных, разрозненных и не вполне ясных указаний исторических источников), оказалось непопулярным. Его литературная история исчерпывается, по крайней мере в настоящее время, лишь одним списком. Возможно, правда, что этот список не первоначальный, а переписанный вскоре после создания рассказа о чуде.

Рассказ о чуде с колоколами свидетельствует о жизненной силе не столько культа Сергия Радонежского, сколько привычного, традиционного литературного жанра, в рамки которого во второй половине XVII — начале XVIII в. облакались самые разнообразные явления, от бытовых, повседневных случаев монастырской жизни до проведения в жизнь царского указа — не последнего в ряду петровских реформ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧУДО 1701 Г. С КОЛОКОЛАМИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

- а. 252 209-го, новой же благодати 1701-го иуния 27-го Гавриил тверитин и
об. з сестрою Ириною, бывшим нам в Троицком Сергие монастыре о 10-й пятнице и слышали, что иво, великого государя царя Петра Алексеевича, указ был везде з городов, монастырей, на Москве у всех приходских церквей || брать колокола, от всево звону четверть; тую долю меди весу на Пушечной двор на литье пушек, и в том Сергиеве^а монастыре так же. А в монастыре колокол 26 было. И ево, великого государя, указу противны быть не смели, архимандрит и братие колокола с колокольни сымать велели. А вечер некоторой указали снять и которой, и тот колокол был старинной. А весу что в нем, того не знаю, а гласом был глух, а не ярок, а за поздностию не симон. А монастырь ночью кругом запираетца
а. 253 всегда, также и той ночи || был заперът. Наутрея архимандриту звонарь
об. весть удержал о том, что того колокола на колокольне нет и братия не ведают, как он и где делъся. И повелел архимандрит везде искать, по кельем у братии и в погребях; и нигде не могли обрести, занеже ему, чюдотворцу Сергию, отдать не изволил. И архимандрит Ларион повелел другой снять так же; и весу в нем не ведает; и тот сняли, повелел ѿ разбить и медию свести к Москве. И ударил человек молотом, и от того удара
а. 254 не росшибся. И начал || глас от него быть трои сутки, день и ношъ непрестанно. И архимандрит и того не велел вести к Москве. И повелел в третий сымать два колокола, а оне мастерства и дела меди в одно время

⁴³ Об указанных особенностях жанра «чудес» см.: Л. А. Дмитриев. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1969, стр. 231—232.

⁴⁴ Ср.: Н. С. Демкова, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Основные направления в беллетристике XVII в. — В кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 519, 520, 524.

^а Первоначально было Сергееве.